

А.П. Власкин
доктор филологических наук, профессор
(Магнитогорск)

«В ГОРЕ СЧАСТЬЯ ИЩИ...»: ЭВДЕМОНИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ДУШЕВНЫХ СОСТОЯНИЙ ГЕРОЕВ В РОМАНАХ ДОСТОЕВСКОГО

В первом романе писателя понимание счастья и его противоположности представлено во всей сложности. Оба душевные состояния измеряются количественно и качественно. Выявляются признаки возможной эвдемонической болезни (заразительность несчастья). По восприятию счастья персонажи подразделяются на инфантильных и взрослеющих. Раскольников инстинктивно не доверяет возможности достижения счастья и много знает о градациях несчастья. Финальное счастье в союзе героя с Соней Мармеладовой обусловлено их совместным опытом пережитых несчастий.

Ключевые слова: счастье, несчастье, благополучие, аксиология, эвдемоническая болезнь, инфантилизм

Регламент статьи не позволяет охватить все романы Ф.М.°Достоевского, и потому мы остановим внимание всего на двух, хрестоматийных и достаточно репрезентативных для нашей темы, – «Бедные люди» и «Преступление и наказание».

Молодой Достоевский впервые выходит к широкому читателю такой репликой героя: «Бесценная моя Варвара Алексеевна! Вчера я был *счастлив, чрезмерно счастлив, донельзя счастлив!*» [I, I,13].

Итак, речь пойдет о *счастье*. Мы все знаем, что это такое, но, пожалуй, многие могут повторить за Мышкиным: «Я был счастлив *иначе...*» [I, VIII, 57]. Сейчас важнее, что в произведениях Достоевского такое могли бы сказать очень многие *герои*. Сами произведения демонстрируют широкую содержательность понятия «счастье» и, более того, разные парадигмы движения от счастья к его противоположности – несчастью, или наоборот.

Сделаем отступление. Понятие «счастье» имеет аксиологическую природу. Однако при сравнении его с базовой аксиологической категорией – ценностью – выясняется, что оба понятия чрезвычайно, почти чрезмерно разнообразны по возможным

значениям. Спектр ценностей распространяется от пошлых до высокодуховных. Но ведь вариации в понимании «счастья», пожалуй, не менее широки. У Щедрина в «Признаках времени» есть такой пример: «Я счастлив, потому что на мне отлично сидят панталоны» [4, °VII, °169]. Разве у Достоевского мы не найдем персонажей, которые подписались бы под этим?.. Вопрос, конечно, риторический.

Но есть примеры и с противоположного полюса: «Вот тебе завет: в горе счастья ищи», – поучает старец Зосима Алешу [1, °XIV, °72].

Вместе с тем, между этими полюсами возможны, разумеется, и разнообразные переходные этапы, с отражением динамики движения от одного понимания счастья к другому. Так, к примеру, Е.А. °Боратынский еще в юности осознал, что, по выражению исследователя его творчества С.В. Рудаковой, «иногда ощущает счастье и тот, кому еще неведомы знания о себе, о мире, кто счастлив именно от неведения» [3, 104]. Тем не менее, Боратынский двигался именно к полюсу высокой духовности в своем понимании счастья. Он «оказывается одним из немногих поэтов первой трети XIX века, кто, размышляя о счастье, почти неизменно думал о страдании» [3, 105].

Если понимать счастье как аксиологический ориентир, то есть у него и отличия от многих других ценностей. Таковых как минимум три. Во-первых, счастье носит комплексный характер, то есть оно зачастую включает в себя несколько согласованных ценностей. Во-вторых, оно гораздо чаще и теснее оказывается взаимосвязано со своей противоположностью как антиценностью – то есть с несчастьем. В-третьих, счастье в большинстве случаев прямо присутствует в самосознании и в репликах персонажей, тогда как большинство других ценностей лишь подразумеваются, их приходится выявлять. О счастье (или о несчастье) у Достоевского много *говорят*, зачастую различимы даже некие эвдемонические *концепции*. В то же время спектр значений счастья настолько широк, что значения эти порой оказываются в области обиходного словоупотребления соответствующих словоформ. Например, тексты Достоевского насыщены выражениями вроде следующих: «эти несчастные люди», «счастливым образом избежал» и т. п. Конечно, на таких словоупотреблениях мы сосредотачиваться не будем; однако нужно иметь их в виду как фон, на котором тем более выразительны иные случаи. Вместе с тем сама эта экспансия «счастья-несчастья» в сферу обиходной речи уже примечательна. Нам пока хватит наиболее значимых упоминаний «счастья-несчастья» в текстах писателя. Более того, частотность и разнообразие таких упоминаний настолько высока, что для основательного раскрытия темы потребовалась бы целая монография.

Обратимся вновь к изначальному, к «Бедным людям». Сама приведенная реплика («чрезмерно счастлив, донельзя счастлив») прежде всего свидетельствует о том, что для Макара Девушкина счастье измеряется по количественному наполнению: можно быть недостаточно счастливым, а можно – даже чрезмерно. В чем-то такое счастье если и достижимо, то все-таки неполноценно, недостаточно – и по наполнению, и по времени. Макар, например, признается: «пройдешься по Невскому, личико встретишь хорошенькое, и *на целый день счастлив*» [1, I, 96]. В письмах его то и дело встречаются такие выражения: «мы все довольны и счастливы – чего же более»; моя «молитва о счастии и благополучии его превосходительства»; «не разлучайтесь со мною теперь, теперь, когда я совершенно счастлив и всем доволен»; «вы счастливы теперь будете, маточка, в довольстве будете»; «вам там счастливо и весело».

То есть в подсознании и самого Макара счастье недостаточно полноценно. В довосок к нему должны идти, например, благополучие, довольство, веселье. Пожалуй, дополнения эти для него даже более значимы. Об этом свидетельствует развернутое суждение героя о счастье/несчастье: «Отчего вы, Варенька, такая несчастная? <...> Отчего это так всё случается, что вот хороший-то человек в запустенье находится, а к другому кому *счастье само напрашивается*? <...> зачем одному еще во чреве матери *прокаркнула счастье* ворона-судьба, а другой из воспитательного дома на свет божий выходит? И ведь бывает же так, что счастье-то часто Иванушке-дурачку достается»^о[1, I, 86].

Нельзя не заметить, что хотя всё время и упоминается «счастье», но по сути оно подменяется социальным, материальным или хотя бы эмоциональным благополучием. Макар на своем, социально сниженном уровне как бы пародирует Евгения Онегина:

«Я думал: воля и покой -
Замена счастьем, Боже мой,
Как я ошибся, как наказан!» [2, IV, 169].

Или возможна ассоциация с признанием даже и самого Пушкина:

«На свете счастья нет,
Но есть покой и воля...» [2, II, 387].

Это одна особенность восприятия Макаром счастья; условно говоря – негативная, в смысле неполноценности. Другую следует считать скорее позитивной. Имеется в виду зависимость личного

душевного «счастья/несчастья» от соответствующих состояний другого человека. Причем зависимость эта может быть как прямой, так и обратной. Например, Макар признается Вареньке: «уж я бы тогда и тем одним счастлив был, что хоть бы с улицы на вас в ярко освещенные окна взглянул; <...> от одной мысли, что вам там счастливо и весело, птичка вы моя хорошенькая, и я бы повеселел»^o[I, I, 86]. Это один вариант. А вот вариант обратной зависимости: «Да вот Федора говорит, что вас счастье ожидает большое... да ведь она баба буйная и меня погубить желает» [I, I, 102].

Полноценное «большое счастье» Варвары с господином Быковым – крайне сомнительно. Подразумевается опять-таки материальное благополучие. Но Макар-то именно его и имеет в виду. Это полностью соответствует пониманию самого Быкова, который заключает: «когда гроша нет, так, разумеется, человек несчастлив»^o[I, I, 96]. Таким образом, подразумеваемое сомнительное счастье, но гарантированное благополучие Вареньки ввергнет Макара в пучину тотального несчастья («Я умру, Варенька, непременно умру; не перенесет мое сердце такого несчастья!»).

На эту тему высказывается и сама героиня, прямо-таки концептуально: «Ах, друг мой! несчастье – заразительная болезнь. Несчастливым и бедным нужно сторониться друг от друга, чтоб еще более не заразиться. Я принесла вам такие несчастья, которых вы и не испытывали прежде» [I, I, 65]. И далее: «Вы уж слишком сильно всё принимаете к сердцу; от этого вы всегда *будете несчастнейшим человеком*. <...> Если принимать всё чужое так к сердцу и если так сильно всему сочувствовать, то, право, есть отчего быть несчастнейшим человеком» [I, I, 76]. Обратим внимание: речь заходит о такой зависимости от несчастий других, которая – по аналогии с «идейными болезнями» – может быть названа «эвдемонической болезнью» Макара (и не его одного, если иметь в виду последующие произведения Достоевского).

Сделаем еще одно наблюдение по поводу «Бедных людей». Общеизвестна декларативная откликаемость этого романа на произведения Пушкина и Гоголя. И вот показательно следующее. Роман Достоевского пересыпан репликами с упоминанием «счастья/несчастья». В «Станционном смотрителе» подобных словоупотреблений всего три: упоминаются «несчастья» Вырина, одна его «счастливая мысль» и обещание Минского сделать Дуню «счастливой». Всё это, вполне очевидно, носит обиходный характер. В «Шинеле» Гоголя подобных случаев еще меньше, всего два: «счастливое расположение духа» Башмачкина и констатация его же «несчастья» после потери шинели.

Так что в этом аспекте, хотя бы по частотности словоупотребления, Достоевский – никак не продолжатель великих

предшественников. Наблюдается качественный скачок, концентрация внимания на эвдемоническом содержании душевного мира героев.

В следующих ранних произведениях Достоевского, если иметь в виду случаи упоминания счастья/несчастья, градус эвдемонизма снижается. Словоупотребления по-прежнему широки, но почти все носят расхожий характер. Как и следовало ожидать, всё меняется в «Записках из подполья». Однако углубляться в эту повесть не входит в наши задачи. Обратимся к «Преступлению и наказанию».

Здесь автор в полной мере использует опыт, наработанный еще в «Бедных людях», что вполне ожидаемо: среда и характеры во многих случаях изображаются близкие. Так, например, мать Раскольникова, Пульхерия Александровна, зачастую демонстрирует первую, недостаточно полноценную особенность понимания счастья/несчастья. Так, о Свидригайлове она отзывается: «...гнусно с его стороны мучить и делать несчастною и без того уже несчастною и беззащитную девушку» [I, VI, 30]. О дочери она пишет: «...за долг поставит себе составить счастье мужа, который в свою очередь стал бы заботиться о ее счастье... К тому же он (Лужин – А.В.) человек очень расчетливый и, конечно, сам увидит, что его собственное супружеское счастье будет тем вернее, чем Дунечка будет за ним счастливее. <...> Был бы только ты счастлив, и мы будем счастливы» [I, VI, 31–32]. Как видим, упоминаниями счастья речь ее (в данном случае письмо сыну) прямо пестрит, но как-то в такое «счастье» не верится.

Интересно, что и сам Раскольников по этому поводу скептически отзывается: «Ну как же-с, *счастье* его может устроить, в университете содержать, компаньоном сделать в конторе» [I, VI, 38]. Однако еще выразительнее неполноценная расхожесть упоминаний счастья/несчастья по воле автора отражается косвенно, в преломлении через наивность ребенка. Полечка Мармеладова говорит Раскольникову: «Папочку жалко! <...> всё такие теперь несчастья пошли, – прибавила она неожиданно, с тем особенно солидным видом, который усиленно принимают дети, когда захотят вдруг говорить как «большие» [I, VI, 146]. Да, об этом в романе много говорят «большие»; а дети – просто несчастны.

Взрослые, конечно, несчастны здесь по-взрослому. Но как-то порою по-детски, почти инфантильно они переходят из этого состояния в противоположное. Например, от Пульхерии Александровны сын ее слышит: «Ах, Родя, ты не поверишь, <...> как мы с Дунечкой вчера были... несчастны! Теперь, как уже всё прошло и кончилось и все мы опять счастливы» [I, VI, 173]. И вскоре затем: «Я уж тем только счастлива, что тебя вижу, Родя...» [I, °VI, °176]. Это

прямо как у Макара Девушкина: Вареньку ли видит (даже тень ее), личико ли хорошенькое на Невском, – и уже счастлив.

Другой матери, Катерине Ивановне Мармеладовой, не выпадает поводов даже для такого *неполноценного счастья*: слишком уж часто видит она пьяное «личико» своего супруга или светлое личико приемной дочери, вытесненной на панель. Поэтому дочь эта, Сонечка, безо всяких расхожих натяжек, говорит о матери: «Это такая несчастная, ах, какая несчастная!» [I, VI, 243]. Но Соня – сама чрезмерно *несчастливая* – становится в результате взрослее иных взрослых, и приобретает она как бы особое видение. Ей, например, открывается инфантилизм мачехи: «Она сама не замечает, как это всё нельзя, чтобы справедливо было в людях, и раздражается... Как ребенок, как ребенок!» [I, °VI, °243].

Соня умеет по-взрослому одернуть по-ребячески зарвавшегося Раскольника. Вот этот эпизод: «А тебе бог что за это делает? – спросил он, выпытывая дальше. <...> – Молчите! Не спрашивайте! Вы не стоите!.. – вскрикнула она вдруг, строго и гневно смотря на него» [I, VI, 248]. Но она же, еще до всяких объяснений с его стороны, пронизательно поняла всю меру его несчастья с первых слов его признания в убийстве: «Нет, нет тебя несчастнее никого теперь в целом свете! – воскликнула она, как в исступлении, не слышав его замечания, и вдруг заплакала навзрыд, как в истерике» [I, VI, 316].

Она по-своему права. Если не «в целом свете», то уж в романе этом Раскольников действительно как бы «эксклюзивно» несчастлив. Это выражается в том, что если он и упоминает «счастье», то только в саркастическом контексте. Один случай, по поводу надежд матери, мы уже видели. Вот еще фрагмент: «За что давеча дурачок Разумихин социалистов бранил? Трудолюбивый народ и торговый, „общим счастьем“ занимаются... Нет, <...> я не хочу дожидаться „всеобщего счастья“. Я и сам хочу жить, а то лучше уж и не жить. Что ж? Я только не захотел проходить мимо голодной матери, зажимая в кармане свой рубль, в ожидании „всеобщего счастья“. „Несу, дескать, кирпичик *на всеобщее счастье* и оттого ощущаю спокойствие сердца» [I, VI, 211]. Здесь звучат отголоски скепсиса, который наблюдался ранее в «Записках из подполья».

Зато часто и очень многозначительно судит Раскольников о несчастье. Уж в этом он явно знает толк. Так, сестре своей он прорицает: «дойдешь до такой черты, что не перешагнешь ее – несчастна будешь, а перешагнешь – может, еще несчастнее будешь...» [I, VI, 174]. Таким образом, при кажущейся невозможности счастья, герой *варьирует градации гарантированного несчастья*.

Впрочем, в иные моменты он готов допустить и счастье для себя, но такое, что оно слишком походит на свою противоположность. Вот, например, его признание: «Знаешь, Соня, – сказал он вдруг с каким-то вдохновением, – знаешь, что я тебе скажу: если б только я зарезал из того, что голоден был, /.../ то я бы теперь... *счастлив* был! Знай ты это!» [I, VI, 318]. Хорошо счастье!..

И следом, как итог той же сцены, для него вступают в свои права все те же градации несчастья: «Идя к Соне, он чувствовал, что в ней вся его надежда и весь исход; он думал сложить хоть часть своих мук, и вдруг, теперь, когда всё сердце ее обратилось к нему, он вдруг почувствовал и сознал, что он стал беспримерно несчастнее, чем был прежде» [I, VI, 324].

Финал романа в свете нашей темы и в русле предыдущих наблюдений носит ярко концептуальный характер. После душевного переворота, совершившегося в Раскольникове, о нем и о Соне сказано: «*В глазах ее засветилось бесконечное счастье*; она поняла, <...> что настала же наконец эта минута... <...> Им оставалось еще семь лет; а до тех пор столько нестерпимой муки и *столько бесконечного счастья!*». И далее: «*она была до того счастлива, что почти испугалась своего счастья*. Семь лет, только семь лет! *В начале своего счастья*, в иные мгновения, они оба готовы были смотреть на эти семь лет, как на семь дней» [I, VI, 422].

Что произошло? О них обоих можно было бы сказать: «нет никого несчастнее». Но именно потому, что претерпели слишком уж многое, они *счастливым образом* (а вернее, по воле автора) нашли друг друга. И при этом, как водится, минус на минус – даёт плюс. Так уже здесь исполнился пока еще будущий завет Зосимы: «...в горе счастья ищи».

Литература

1. Достоевский, Ф.М. Собр. соч.: в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Ленинград: Наука, 1972–1990.
2. Пушкин, А.С. Собр. соч.: в 10 тт. / А.С. Пушкин. – М.:

ГИХЛ, 1959–1962.

3. Рудакова, С.В. Философия счастья в лирике Е.А.°Боратынского / С.В. Рудакова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. –Т. 108. – № 4. – С. 103–114.

4. Салтыков-Щедрин, М.Е. Полн. собр. соч.: в 20 тт. – Т. 7. – М.: Худож.°литература, 1969. – 532 с.

“LOOK AT MOUNT HAPPINESS ...”: EUDEMONICAL
PARAMETERS STATE OF MIND OF THE HERO
IN DOSTOEVSKY'S NOVEL

A. P. Vlaskin

Abstract

In the first novel of the writer and his understanding of happiness opposites presented in all its complexity. Both mental states are measured quantitatively and qualitatively. Identify signs of possible illness evdemonicheskoy (contagion of misfortune). According to the perception of happiness characters are divided into infantile and maturing. Raskolnikov instinctively distrusts the possibility of achieving happiness and knows a lot about gradations of unhappiness. The final happiness in the union of the hero with Sonia Marmeladova due to their combined experience endured misfortunes.

Key words: happiness, unhappiness, prosperity, axiology, evdemonicheskaya disease, infantelizm